

Филологические науки

УДК 82-93

А.А. БОНДАРЕНКО

(bondarenkonastya21102003@gmail.com)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

ЭМОЦИЯ СТРАХА И СРЕДСТВА ЕЁ ВОПЛОЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ Н.Ф. ТЕРЕХОВА «РУМБА»*

Исследуются такие способы художественного воплощения эмоции страха в повести волгоградского писателя Н.Ф. Терехова «Румба», как прямые и косвенные формы психологизма, а также приемы несобственно-прямой речи, передающие динамику переживаний героев-детей. Особое внимание уделяется языковым средствам – лексическим и грамматическим единицам, фразеологизмам и синтаксическим конструкциям, объективирующим рассматриваемые разрушающие чувства.

Ключевые слова: Н.Ф. Терехов, эмоция страха, тема детства, формы психологизма, несобственно-прямая речь.

Феномен детства, прежде всего формы психологизма, позволяющие писателям передавать эмоциональную реакцию маленьких героев на воздействие окружающей среды, являются объектом активного литературоведческого изучения. Особый интерес представляют произведения, освещающие тему военного детства, маленькие герои которых попадают в критические, кризисные ситуации. В трудах отечественных литературоведов А.В. Золотухиной, М.А. Литовская, С.Г. Маслинской, Л.Н. Савиной и многих других [2, 3, 4, 6, 7] особое внимание уделялось роли воспоминаний о мирной жизни, которые «всплывают в памяти зачастую фрагментарно, но всегда окрашены в яркие и светлые тона» [3, с. 39], причинам доминирования в художественных произведениях образа энергичного маленького героя, который «борется, находит и не сдаётся» [Там же, с. 95], а также воплощению «героического нарратива образа ребенка» [4, с. 202]. В этом контексте представляет интерес повесть «Румба» волгоградского писателя Николая Федоровича Терехова (1928–2016), персонажи которой во время трагических событий Сталинградской битвы вынуждены вести неустанную борьбу за жизнь. Неслучайно перманентный страх становится ведущей эмоцией, регулирующей поведение детей.

Произведение Н.Ф. Терехова, вышедшее в свет в 1969 г., начинается с описания страшной бомбардировки города и эвакуации мирного населения за Волгу. Места действия легко узнаваемы: через Мечётку немцы подступают к тракторному заводу, бои ведутся в окрестностях Русской Деревни, в том числе вблизи улицы Карусельной (ныне улица 39-ой Гвардейской Дивизии – А.Б.). Эти события «сводят дороги» трех главных героев: мальчика Женьки, девочки Верки и собаки, по кличке Румба.

Показывая картину битвы глазами подростков, автор неслучайно выбирает «самых незащитных свидетелей событий» [5]. Очутившись лицом к лицу с опасностью, персонажи повести быстро взрослеют, ведь «идиллическое пространство довоенного детства сменяется ощущением хаоса. Привычный и безопасный Дом разрушается в прямом и переносном смысле, превращаясь в Антидом» [7, с. 51]. В результате смерти близких маленькие герои остаются одни в мире, где для них не существует безопасного места, о чём свидетельствует диалог Женьки и Веры:

– Значит, у тебя никого нет?

Девочка опять кивнула.

– И дома нет?... У меня тоже... [8, с. 31].

Воссоздавая психологическое состояние персонажей повести, писатель использует прямую, косвенную и суммарно-обозначающую формы психологизма, выбор которых варьируется в зависимости от гендерной принадлежности детей. Если для Верки в основном характерна косвенная форма (она ча-

* Работа выполнена под руководством Савиной Л.Н., доктора филологических наук, доцента, заведующей кафедрой литературы и методики её преподавания ФГБОУ ВО «ВГСПУ».

сто проговаривает испытываемую эмоцию, не скрывая ужаса происходящего: «– Я боюсь переправляться через Волгу» [8, с. 34]; «– А я? Что я буду делать? Мне *страшно* одной» [Там же, с. 39]), то при изображении чувств и мыслей мальчика превалирует прямая форма психологизма, в частности внутренний монолог: «Женька подумал: “Неужели я трус?”» [Там же, с. 55].

Слова с корнем «страх» разной частеречной принадлежности довольно часто встречаются на страницах повести, фиксируя различные проявления данной эмоции: «А над ними вражеский самолеты, и снова вой, *страшный, раздирающий душу*» [Там же, с. 22], «Женька представляет себе, как бывает *страшно*, когда падают бомбы» [Там же, с. 34], «А вдруг там немцы?» – промелькнула *страшная* мысль в голове Женьки» [Там же, с. 42], «Песня от *страха*, как он понял, хорошо помогает» [Там же, с. 55].

Вследствие того, что страх становится всеобъемлющим, появляется необходимость в объективизации данной эмоции, с этой целью автор использует фразеологические единицы, персонифицирующие данную эмоцию: «Не трусливый вроде бы Женька, но *оторопь берет*» [Там же, с. 40]; делает акцент на изменении внешности («Глаза *круглые, огромные*, лицо *бледное*, рот *широко открыт*» [Там же, с. 31]) и речевого поведения детей под влиянием трагических обстоятельств («го-лос *дрогнул, сорвался*» [Там же, с. 31]).

Стараясь побороть страх, маленькие герои пытаются оказать ему волевое сопротивление, о чём свидетельствует их жестовое поведение: «Женька до зубной боли *стиснул* челюсти, *поднялся на руках*, не веря в случившееся» [Там же, с. 36], подросток «злится на себя, что не может справиться с собой. *Дрожат колени*» [Там же, с. 40]. Смена форм глаголов подчёркивает динамику процессов: превалирование прошедшего времени резко сменяется настоящим в моменты особенного напряжения для детской психики, таким образом писатель делает читателя как бы соучастником описываемых событий.

Используется в повести для воссоздания эмоции страха и приём несобственно-прямой речи, позволяющий одновременно наблюдать за динамикой происходящего и сочувствовать переживаниям героя. В данном случае автор даёт эмоцию номинативно, а затем подкрепляет ее несобственно-прямой речью: «На этот раз Женька *напугался* пуще прежнего. Не дома они и отца нет рядом. *Что ему делать?*» [Там же, с. 29], «Попадать в плен никогда неохота. Вера задумалась, *забеспокоилась*. *Что же ей делать?*» [Там же, с. 48]. Встречается данный приём и без номинации эмоции автором, но её присутствие подтверждается при помощи множества риторических вопросов и восклицаний: «Но что это? Где же строители? Почему так мало людей у рва?» [Там же, с. 28], «...ребята услышали какой-то неясный гул. Что это? Самолеты? Танки! И чьи?» [Там же, с. 49].

Однако, несмотря на страх, испытываемый маленькими героями Терехова, Женьку и Верку с полным правом можно отнести к характерным для военной прозы образам «энергичных детей», сумевшим выжить в поистине тяжелейшей ситуации постоянных боёв, холода и голода. «Расскажи кому-нибудь про вас – не поверят. И как это вы смогли столько дней под пулями прожить и живыми остаться?» [Там же, с. 73] – спрашивает у ребят дядя Захар, в ответ оба пожимают плечами, не находя свершившимся фактам словесного объяснения. В других произведениях литературы военного детства, например, у А.П. Гайдара, по справедливому замечанию Л.В. Долженко, открытое столкновение ребёнка с врагом всегда окрашено в тона ужаса, а сам акт сопротивления совершается из состояния крайнего бессилия: «...в ситуации, когда он *вынужден* стрелять во врагов не столько потому, что они враги, сколько потому, что они представляют непосредственную угрозу для его жизни» [1, с. 122]. Женька Терехова, наоборот, действует не под давлением ужаса, а вопреки ему: несмотря на возможность уехать за Волгу, он отказывается от неё: «Этому мальчонке я давно приказал идти на переправу, – отвечал Нечаев. – Не послушался» [8, с. 33]. И дело здесь не только в личных счетах за смерть близких: мальчик, как и многие его сверстники, норовил попасть в солдаты и до утраты матери: «А я бы все равно стрелял, – высказался Женька. – Чего это они как в гости летают?» [Там же, с. 25].

Таким образом, повесть Н.Ф. Терехова «Румба» можно рассматривать как значимое произведение военной прозы, акцентирующее внимание читателей на формировании личности ребёнка в экстремальных условиях, раскрывающее тему взросления персонажей-детей в период Великой Отечественной войны.

Литература

1. Долженко Л.В. Объективация эмоции страха в произведениях А.П. Гайдара для детей // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. 2013. № 9(84). С. 120–124.
2. Золотухина А.В. Эволюция образа подростка в русской детской литературе 1930-х–1970-х годов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018.
3. Литовская М.А. Новая социальная реальность в советской литературе для детей: альманах «Боевые ребята» (1942–1944) // Уральский исторический вестник. 2018. № 2(59). С. 94–101.
4. Маслинская С.Г. Насилие и травма в детской литературе 1941–1945. СПб.: Русская литература, 2019. С. 194–203.
5. Николай Федорович Терехов // Волгоградская областная детская библиотека. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.biblioteka-volgograd.ru/kraevedenie/pisateli/terehov-nikolai-fyodorovich.html> (дата обращения: 25.03.2025).
6. Перевалова С.В., Савина Л.Н., Тропкина Н.Е. Царицын – Сталинград – Волгоград: пространство локального текста: моногр. Волгоград: Науч. изд-во ВГСПУ «Перемена», 2024.
7. Савина Л.Н. Формирование у учащихся понятия о категории художественного пространства в процессе школьного изучения литературы // Электрон. науч.-образоват. журнал ВГСПУ «Грани познания». 2022. № 1(78). С. 50–52. [Электронный ресурс]. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1645640201.pdf> (дата обращения: 25.03.2025).
8. Терехов Н.Ф. Румба / Два мальчишеских лета. Повести. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1972.

ANASTASIYA BONDARENKO
Volgograd State Socio-Pedagogical University

THE EMOTION OF FEAR AND THE MEANS OF ITS IMPLEMENTATION IN THE STORY “RUMBA” BY N.F. TEREKHOVA

The article studies such ways of fictional implementation of emotion of fear in the story “Rumba” by the Volgograd writer N.F. Terekhov as the direct and indirect forms of psychologism and the techniques of experienced speech, transferring the dynamics of sufferings of child heroes. There are emphasized the linguistic means (lexical and grammatical units, phraseological units and syntactical constructions), objectifying the considered destroying feelings.

Keywords: *N.F. Terekhov, emotion of fear, childhood topic, forms of psychologism, experienced speech.*